УДК 167/168

© Павел Богачевский
Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко

ВИРТУАЛЬНОСТЬ В ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУКЕ И АНТРОПОЛОГИИ

«Выделение виртуальной и константной реальностей – проблема методологическая. Выделить эти два типа реальностей можно в любом событии. … Виртуальные теоретические модели как тип мировоззрения будут проникать в чисто практические сферы: международные отношения, самолетостроение, муниципальное управление, практику индивидуального оздоровления и т.д. Собственно, это уже происходит, и не только в результате непосредственного воздействия виртуалистики, но и в силу естественного перехода от традиционного (константного) мировоззрения к такому, в котором единичное, спонтанное, развивающееся становится предметом специального рассмотрения».

«Манифест виртуалистики» Н. А. Носов,
22 мая 2001 год, г. Москва

В статье рассматривается концепт виртуальности как феномен постнеклассического методологического сознания науки. Анализируются фактические научные и категориально-методологические основания введения в дискурс современной философии науки концепта виртуальности. Автор рассматривает возможность построения «квантово-синергетической антропологии» (Буданов В.Г.) на принципах, лежащих в основе виртуалистики (Носов Н.А.) и ставит вопрос об изменении онтологического значения человечности, идеи человека в контексте современной практической антропологии опирающейся на виртуальную психологию и систему постнеклассических практик. *Ключевые слова: концепт виртуальности, постнеклассическая наука, виртуальный человек*

Цель данной статьи - показать, каким образом расширение методологического сознания современной науки приводит научное сообщество и всю цивилизацию к новому типу мироотношения. Его специфика в том, что всё существующее рассматривается сквозь призму двух основных категорий – «константного» и «виртуального». Такой парадигмальный сдвиг, вписывающийся в общий контекст постнекласической науки и постнекласического типа рациональности, по нашему мнению, приводит к появлению специфического типа сознательной научной и антропологической практики и технологии, смысл которой сводится к созданию и управлению виртуальными реальностями – культурными, социальными, психологическими, физическими.

В этой статье мы не будем рассматривать феномен виртуальной реальности, виртуальности в том контексте, в котором этот феномен встречается сегодня чаще всего. Речь не будет идти об интернете, технологиях связанных с симуляцией реального пространства и компьютерных играх. Хотя стереотип массового сознания прочно связал виртуальность со сферой телекоммуникаций, интернета и компьютерных кибертехнологий, основой для возникновения виртуалистского дискурса можно по праву считать философию и современное естествознание.

Всеобщими формами мышления со времен Аристотеля принято считать категории. Десять классических категорий Аристотеля, призванные прояснять бытие субстанции, долгое время рассматривались в контексте т.н. сущностного дискурса, который описывался рядом сущностных, или эссенциальных категорий. Имеется в виду то, что все категории Аристотеля призваны описывать актуализацию некоторых эссенциальных начал, актуализацию некоторой сущности, её субстанции. Классический тип рациональности и вся классическая наука традиционно рассматривали мир в контексте отношений, возникающих между сущностями, обладающими своим однозначным актуальным бытием. В традиционном смысле наука представляла собой описание свойств той или иной сущности в отрыве от процессуальности её

бытия, в отрыве от её собственного бытия-становления (т.е. момент того, что сущность – это не статичный объект, а постоянный процесс не улавливался).

Проблему становления, проблему бытия-бифуркации (С.Хоружий [5]) прямо ставит перед собой лишь наука постнеклассическая, формируя свой собственный идеал рациональности и прибегая к специфической форме мышления, которую принято называть нелинейной: «точка зрения видения мира в современном точном естествознании – это точка зрения развития. Все объекты этого мира, включая сам мир, рассматриваются в научной картине мира как становящиеся, развивающиеся объекты. Соответственно трактуются всеобщие формы бытия этого мира и в этом мире, выступающие как онтологические соответствия важнейших категориальных соотношений, воплощенных в понятийных структурах теорий самоорганизации. Так, целое уже не собирается из кубиков-частей, а формирует в своем развитии либо свой элементный состав (космологические сценарии, основанные на унитарных калибровочных теориях элементарных частиц и их взаимодействий), либо части из наличных элементов среды (диссипативные структуры всех видов). Развитие целого детерминировано законами лишь на определенных этапах между пунктами, где возникают ситуации выбора (бифуркации как возможность двух равновероятных решений нелинейных уравнений) и случайность необратимым образом определяет рождение новой необходимости» [2, с.128-129]. За счёт этого поворота современного естествознания в сторону идей становления, нелинейности и динамических целостностей происходит необходимое обогащение и расширение методологического сознания науки в той его части, которая касается категориального описания действительности. Попробуем разобраться, какие основания в современных философии и науке послужили почвой для появления двух новых категорий применяемых для описания реальности М.Н. Носовым [4] – «константность» и «виртуальность».

Переворот в физике начала XX века (идея относительности представления об одновременности, корпускулярно-волновой дуализм, эффект взаимодействия между физическим объектом и измерительным устройством и т.д.) дал толчок к изменению гносеологической позиции субъекта и объекта – стало необходимо безусловно указывать с какой позиции ведется описание системы исследования.

Совокупность этих факторов послужила поводом к переходу науки от классического к неклассическому типу рациональности, с характерным для него исчезновением привилегированной позиции наблюдателя. В неклассической науке субъект «вписан» в горизонт исследуемой ситуации и прямым образом влияет на проявления объекта.

Отметим, что неклассической науке характерно отсутствие представлений о целостности мира. Вопрос о целостности развивается в новейшее время в пределах постнекласической науки, в частности, такой её дисциплины как синергетика. Именно здесь мир начинает рассматриваться как целостность, единство, не являющееся просто плюрализмом существования разнородных частей, объединенных только пространством, в котором эти части существуют. Так, в ставшей классической работе «Мировозренческие категории в современном естествозаннии» [3], С.Б.Крымский и В.Б.Кузнецов описывают три основополагающие категории, отношения между которыми являются предметом рассмотрения разных дисциплинарных подходов и конкретных научно-исследовательских программ: универсум, мир, единство, вакуум. «Мир – это форма тотальности явления в границах определенного типа реальности, комплекса материальных условий бытия, раскрывающего предельную сферу функционирования фундаментальных закономерностей, самодостаточных для детерминации всего многоразличия этого бытия и выявления его самодеятельности. Понятие “мир” дает представление о такой форме единства объектов (миропорядке), которая характеризует самодеятельность материи» [3] - так определяют авторы понятие мира и функцию единства. Более широко понимается современной наукой универсум, являющийся «подлинной реальностью», репрезентантом бытия взятого вне нашего мировосприятия, т.е. вне того контекста, который отражен в законах и следствиях существования конкретного воспринимаемого мира. «Рассмотренные физические реальности (мир вещей, мир событий и вакуума) характеризуют соответственно макро-и мегамир, а также своего рода “мировой фон” физических процессов – вакуум, или так называемый меон (“бездну”)» [3], при характеристике которого возможно появления ряда бесконечных значений

величин (энергии, плотности и т.д.) и который может быть описан с помощью ряда топологически неэквивалентных вырожденных состояний.

Мир в более широком смысле – это граница самого человека, это сам человек (а человек, если верить Хайдеггеру, и есть граница), который в контексте неклассической науки уже не выделяется из мира и не обладает привилегированной позицией наблюдателя. Вакуум выступает здесь как горизонт мира, за пределами которого находится целость универсума, а внутри пределов хранится человеческий постигаемый мир в его категориальной организованности и познаваемости. В отличие от неклассического и тем более классического типов сознаний постнеклассика обращается к целому в рамках его актуальной незавершенности. Постнеклассический мир – это всегда открытая система, находящаяся в процессе своего становления целым. Целостность здесь сохраняется именно за счет непрерывности видоизменений, а постнеклассический покой – это постоянная динамика становления.

Изменения, происшедшие в методологическом сознании современной науки, позволяют утверждать, что сегодня наука и философия смотрят на мир не сквозь призму сущностного, эссенциального дискурса, но сквозь призму дискурса энергийного. Именно здесь, в процессе непрекращающегося бытия-становления-целым, существует возможность порождения виртуальных миров. Так как мир (по Крымскому и Кузнецову) в контексте постнеклассической науки никогда не является до конца оформившимся, закончившимся (а проще говоря – никогда не является сущностью), в нем возможна виртуальность.

В такой интерпретации виртуальность будет рассматриваться как недород бытия (С. Хоружий). В случае с физикой примером может послужить оксфордская интерпретация квантовой механики, предложенная Х. Эвереттом, которую так же называют многомировой. В ней т.н. коллапса волновой функции (явление являющееся основным для копенгагенской интерпретации квантовой механики) не происходит, что приводит к допущению существования множества «параллельных» миров, в которых существует одна и та же система, но в разных состояниях. Каждый «параллельный мир» в таком случае является отражением того или иного потенциально возможного состояния системы и локализуется как самостоятельный за счет присутствия наблюдателя.

Такая интерпретация квантовой механики довольно метафорична и показывает нам состояние системы во все моменты её существования так как если бы кто-то мог наблюдать её одновременно во всех моментах бифуркации. На теоретическом уровне противоречия в такой интерпретации нет, так как подразумевается несуществование наблюдателя, наблюдающего такую систему извне, одновременно во всех её состояниях. Мы живем внутри такой системы, поэтому всегда имеем дело только с одним вариантом актуальной реальности, но не со всем возможным многообразием актуально существующих параллельных миров. Впрочем, здесь параллельные миры не рассматриваются как недород бытия, а скорее наоборот – как полноценные случившиеся данности, которые просто не могут быть актуализированы как факт наблюдателем, привязанным к другому миру.

Конкретным недородом бытия в современной физике выступают т.н. виртуальные частицы, которые используются на теоретическом уровне как некоторая абстракция, позволяющая описать процесс передачи зарядов между частицами: факт передачи заряда неминуемо требует существования поля и определенной частицы, которая бы этот заряд передавала – такие частицы не фиксируются непосредственно, но, тем не менее, их статус закреплен теоретической моделью. То, что виртуальность всегда является некоторым недородом бытия, объясняется уже тем, что род и вид – это категории сущностные, здесь же речь идет о существовании, но само это существование отдельным родом так и не становится. В контексте естественнонаучной физики вопрос о критерии реальности не стоит, но, фактически, он сводится всего лишь к очевидности воспринимаемого нами мира, хотя, если смотреть на мир глазами квантовой механики, весь мир состоит сплошь из виртуальных частиц, порождаемых физическим вакуумом.

На уровне философского осмысления дискурса виртуальности становится очевидным нелепость попытки найти объективную реальную реальность (в данном контексте это уже не тавтология) – её просто нет. Виртуалистика переводит вопрос из плоскости отношений

«реальное-виртуальное» в плоскость отношений «константное-виртуальное», а сама категория реального остаётся за пределами рассмотрения, так как для её обоснования не остается онтологической нагрузки – мы просто не имеем достаточных критериев, на основе которых возможно было бы возвести нечто в позицию реальности. Таким образом, противопоставление константного виртуальному имеет характер отношений между порождающим и порожденным. Реальность, порождающая в данный момент иную реальность, выступает константной основой, а виртуальностью определяется то, что является порожденным. В этом смысле единственным неизменным уровнем существования может быть признан тот самый вакуум или - философски упрощая - некоторое абстрактное ничто, из которого возможно появление определенной организации.

Так постмодернистский дискурс, предлагающий модель ризомы вместо всех иерархических моделей построения реальности, апеллирует как раз к этому уровню – уровню вакуума, ничто, или, если использовать термин Делеза, нонсенсу – т.е. такому состоянию бытия, где невозможно однозначное утверждение существования (да, нет), а потому возможно всё.

Впрочем, лучше всего концепт виртуальности проявляет себя в современной психологии на базе всё того же парадигматического подхода, оформившегося в отдельное направление «виртуалистика» в рамках работ Н.Носова. Психический мир человека рассматривается здесь как виртуальная система множества реальностей, каждая из которых актуально или потенциально может быть как порождающей так и порожденной. Сознание человека представляется отдельным миром (миром, о котором мы говорили в контексте идей Крымского и Кузнецова) сформированным рядом виртуальных систем или, что вернее для нашего сознания, рядом виртуальных состояний. Порождающим Универсумом этого мира является некая «идеальная реальность», которая не воспринимается субъектом напрямую, так как в чисто кантовском смысле, является условием возможности всех последующих созерцаний, а проще говоря – единственным непорожденным фоном всех остальных состояний. Такая модель, в духе индийских философских трактатов, сегодня идеально вписывается в концептуальные рамки новейшей квантово-синергетической антропологии, которая предлагает рассматривать «базовые деятельностные и темпоральные модусы (онтологии состояний и темпоральные онтологии) бытия человека с единых позиций синергетики и квантовой теории, методология которых дает эффективные способы объяснения сложных развивающихся иерархических систем. Начиная от едва осознаваемых собственных соматических реакций, когнитивных и коммуникативных процессов, до долговременных социальных и когнитивных составляющих природы человека, - все эти процессы предлагается понимать как единый делокализованный в реальном и виртуальном времени антропологический феномен телесности, получающий свое описание в становящейся сегодня квантово-синергетической антропологии» [1, с.59].

Онтология состояний, которую предлагает квантово-синергетическая модель человека, дает классическое для восточной религиозно-мистической мысли разделение бытия человека (антропологической системы) на семь уровней или семь тел (начиная от «тела соматического» и заканчивая «телом воли»). При этом стоит понимать, что человек как антропологическая система вмещает в себя все семь уровней, все семь онтологических состояний системы, но в данный исторический момент будничное сознание человека осознает лишь первые три, так как они относительно легко локализуются в линейном пространстве и времени, наполненном классической причинно-следственной событийностью. Оставшиеся четыре тела проявляют нелокальные свойства и относятся к человеческим процессам, локализовать которые методами классического научного детерминизма не представляется возможным.

Интересен вопрос о порождающей реальности внутри квантово-синергетического человека: «соматическое тело» является источником порождения «тела воли», или «тело воли», через цепочку порожденных состояний, локализуется в «соматическом теле»? С позиции виртуалистики вопрос лишен смысла, поскольку оба онтологических уровня неразрывно связаны и влияют друг на друга. Проблема понимания состояний, лежащих выше соматического, энергетического, рефлекторно-эмоционального и логического уровней состоит в том, что мы не понимаем, каким образом может быть устроено пространство и тело, с одной стороны, выражающее топологию этого пространства, а с другой - вписанное в него. Само допущение существования

делокализованных тел, онтологических состояний бытия человека, неминуемо потребует расширения точки отождествления субъекта до уровня, когда потребуется пересмотреть незыблемость статуса собственной соматики и антропологическую роль физического тела (место и роль человеческого тела в проекте «человек»). Речь здесь идет не о смерти соматического тела, или его забвении в угоду иным неклассическим уровням онтологического бытия человека! Мы говорим скорее о сдвиге в понимании человеком самого себя – локальный, классический ракурс взгляда может уступить место постнеклассическому, нелокальному.

Идея, что человек и, в более широком смысле, жизнь вообще – это четвертое состояние квантово-механической системы (т.н. лестница Вайскопфа) была впервые высказана и обоснована в украинской науке профессором С.Ситько, дважды номинированным Киевским Университетом имени Тараса Шевченко на Нобелевскую премию за свои открытия в области физики живого. Даже предварительные выводы из работ С.Ситько подтверждают внутренние научные потенции и фактические открытия, позволяющие говорить о нарастающем движениие методологического сознания современной науки в сторону фактического становления постнеклассическим, а значит таким, которое напрямую имеет дело с категорией виртуального.

Перенося теорию виртуалистики в пространство социальной философии, мы можем увидеть, как в современном мире нарастает роль социальной практики, основанной на конструировании виртуальных культурных сред, которые представляют собой разного рода программы описания действительности.

Виртуальная среда по-настоящему формируется только тогда, когда описание порождает некоторое действие, в свою очередь поддерживющее описание. Так появляется определенное метастабильное образование, включающее в себя замкнутые отношения действия-описания.

Конечно, такая механика возникновения и функционирования культурных сред был общей для человечества на протяжении всей истории – любые общество, идеология, культура могут рассматриваться как виртуальные феномены. Но только в наше время человек напрямую столкнулся с вопросом о возможности сознательной антропологической практики, целью которой является появление определенного типов социальной, культурной реальностей, их актуализация. Любая социальная система, культура или идеология, если мы рассматриваем её как виртуальный феномен, основана на порождающей её константной реальности, существование которой неминуемо скрывается в рамках классической рациональности.

В контексте постнеклассических практик целью становится не просто создание некоего описания или правдоподобной копии реальности (как это было у Бодрийяра с симулякром), а действие, реализующее субъект, вписанный в ту или иную виртуальность. Именно деятельность и её результат являются целью особой формы социальной практики, порождающей новые культурные и социальные миры – «по плодам узнаете их». Именно деятельность, как манифестация «Я» человека (а «Я» человека всегда таково, какова реальность, в которую это «Я» погружено), может дать представление о реальности, в которой этот человек существует.

Удачным примером деятельности может послужить жизнь христианина, если представить, что реальность этого человека задается координатами Ветхого и Нового Заветов. Верующий человек должен не просто исповедовать свою веру словами и мыслью – главное – это дела. Именно действие, основанное на вере во что-то, а проще говоря – на реальности, свидетельствует о том, что эта виртуальная реальность становится в подлинном смысле реальной реальностью.

Сегодня с позиций виртуалистики рассматривается множество ситуаций повседневной жизни человека: болезни, зависимости, фобии и т.д. Эти явления продуцируют определенную нежелательную деятельность (события), борьба с которой не дает удовлетворительных результатов. С позиции виртуалистики так происходит потому, что на уровне массового сознания человека не изменяется его реальность, а именно из неё вырастает последующая деятельность, зачастую неадекватная даже банальному стремлению эффективно выживать. На уровне социальных и цивилизационных процессов мы можем видеть подобную ситуацию: военные и экологические кризисы, увеличение числа самоубийств, утрата культурной идентичности, социальная депрессия, разрыв между властью и народом – всё это свидетельствует о том, что человечество сталкивается с проблемой, основы которой лежат в человеческом сознании и метастабильных состояниях, возникших и откристаллизовавшихся в нём.

В древние времена властью корректировать реальность и вводить в уже существующий контекст социальных отношений новые аттракторы обладали маги и шаманы, а позже жрецы. В этом заключалась привилегированная функция этих классов. Сегодня общество, казалось бы, потеряло социальный центр, способный отвечать за подобную практику: политики убеждают человека, что он живет в единственно возможном культурно-цивилизационном контексте с самым объективным и насущным спектром глобальных проблем и самыми передовыми способами их решения.

Поворот, происходящий в методологическом сознании современной науки – это лишь часть общего поворота массового сознания человечества. Сегодня человек в лице ученого стоит перед массой новых проблем, большинство из которых имеет аксиологический характер. Вопрос о ценностных ориентирах и ответственности научного сообщества и каждого конкретного ученого как никогда актуален. Ситуация, когда в руках человека окажется технология, сутью которой является реальностная инженерия, технология работы с сознанием на уровне оснований этого сознания, уже не за горами и в этом случае под угрозой исчезновения может оказаться сам человек, но, в первую очередь, не в своём телесном соматическом качестве, а в антропологическом духовно-сознательном смысле. Проще говоря, «человечность» внутри человека может быть «преодолена». И если раньше идею такого «преодоления» никто не мог воспринять всерьез, а потому никто не мог рассуждать о её значении и последствиях (не забывая при этом философски поэтизировать и романтизировать данную возможность как заблагорассудится), то сегодня подобная перспектива открывается человеку технологиями работы с сознанием и парадигмальным сдвигом, затрагивающим все сферы обыденной жизни, а не только науку.

Подобная перспектива заставляет задействовать весь предыдущий антропологический, культурный, научный и религиозный опыт человечества для того, чтобы понять – что есть человек, его реальность, его образ исходя из неоднозначной перспективы возможного преодоления «реальности человеческого».

Литература

1. Буданов В. Г. Как возможна квантово-синергетическая антропология (синтетические миры телесности) / В. Г. Буданов // Телесность как эпистемологический феномен /Отв. Ред. И. А. Бескова. М.: ИФ РАН, 2009. – С.55-70.
2. Добронравова И.С. Синергетика: становление нелинейного мышления / И.С.Добронравова. – К., - 1990. – С.128-129.
3. Крымский С.Б. Мировоззренческие категории в современном естествознании / С.Б.Крымский, В.И.Кузнецов. – К., 1983. – С. 59-83, 94-121, 130-153, 184-186. – http://www.philsci.univ.kiev.ua/biblio/krim.html
4. Носов Н.А. Манифест виртуалистики / Н.А.Носов. – М.: Путь, 2001. – Вып. 15. – 17 с. (Сер. «Труды лаборатории виртуалистики»).
5. Хоружий С.С. Род или недород? Заметки к онтологии виртуальности / С.С.Хоружий // Вопросы философии. – 1997. – № 6. – С.53-68.

Summary

Bogachevskiy P. Virtuality in Postnonclassical Science and Antropology. *The article analyzes current debates around the phenomenon of virtuality and its philosophical and methodological interpretations. Author of article gives particular attention to the thesis that invariant sense-core of concept of virtualness grows from the cross between different classic philosophical categories which meaning is changed nowadays because of non-linear and synergetic transformation of modern science. This transformation brings us to situation where virtuality and the category of virtual reality can be described as the semantic border between category of real and actual. The problem of virtualness in fact is the problem of phenomenon distinguishing between category of reality and category of actuality. This problem is actual for modern philosophy of science and touches different fields of science such as physics, psychology, sociology and others. Author gives an example of different variants of virtual situation which can be seen in some concrete disciplines (physics, psychology, sociology). In the end author strikes on the question of possible changing of classic antropology model of human being to postnonclassical antropology model of virtual man: is it possible with modern virtualistic practices and how?*

Keywords: virtuality, virtual reality. concept of virtualness.antropology of virtual man